

тобықтай түйін түйген адам ғана нақты іске көше алады деп сенеміз.

Халық айтса, қалт айтпайды, демек: «Жақсы сөз – жарым ырыс», «Тіл – көңілдің кілті», «Сөз қадірін білмеген өз қадірін білмейді», «Жақсы сөз – жан азығы», «Көлді жел қозғайды, ойды сөз қозғайды», «Жақсы сөз жан семіртеді», «Өткен күн оралмас, құнды сөз жоғалмас».

Сондықтан, «мал» деген ұғымның нарық заманына сай жаңа реңкке ие болған мән - мағынасын қадірлейік.

ӘДЕБИЕТ

1. ДАҒДАРЫСТАН – ДАМУҒА. Қазақстан Республикасының Президенті Н.Ә. Назарбаевтың халыққа Жолдауы. // Қостанай таңы, 11 наурыз 2009

Бондаренко Ю.Я., к.ф.н., профессор
Костанайского государственного университета
Бондаренко О.Ю., аспирант, МГУ

ПОЛИКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО АНЕКДОТА

Связь исторических реалий и литературного творчества, включая и мифологию, исследовалась и продолжает исследоваться многими маститыми авторами. Видимо, эта сфера исследовательской деятельности будет еще долго, а может быть, и практически постоянно, притягательной для ученых. Но есть один поворот темы, который, как представляется, довольно мало изучен: это не исторические и социально-психологические основы мифологически-литературных образов, ситуаций и архетипов, а наоборот, мифологические, архетипические основы форм и путей обрисовки реальных исторических событий и персонажей. Иначе говоря, тяготение лиц, описывающих реальные исторические феномены к устоявшимся образцам, уже известным эталонам, когда живая, национальная история втискивается в системы поликультурных, наднациональных образов и схем. В частности, по мнению авторов этих строк, к таковым эталонам можно отнести архетип погибающего героя, который лег в

2. Кенжеахметұлы С.. Жеті қазына. Алматы., 2004.
3. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы., 1999.

Резюме

В настоящей статье авторы путем глубокого и всестороннего анализа слова «мал» – «скот» рассматривают вопросы переосмысления лексических единиц казахского языка в аспекте современной рыночной экономики.

Conclusion

The authors of this article study the questions of over – understanding of lexical units of the Kazakh language in the aspect of the modern market economy by the profound and detailed analysis of the word « мал» – «cattle».

основу изложения целого ряда как полусказочных, так и таких событий, которые без оговорок принято считать историческими, как, например, знаменитое фермопильское сражение трехсот спартанцев с неисчислимым персидским воинством. Рассмотрению взаимосплетений этого архетипа и собственно военной истории была уже посвящена одна из статей Бондаренко Ю., публиковавшаяся в разных изданиях и, в том числе, в книге «В лабиринтах истории», вышедшей в Костанайе в 2006 г.

В отмеченной статье особое внимание обращалось на наднациональные, поликультурные основы образцов обрисовки определенных событий и ситуаций и, соответственно, моделей поведения прославляемых героев. В этом контексте было бы небезынтересно взглянуть и на поликультурные основы русского литературного анекдота 18 – начала 19-го веков. При этом авторы не претендуют на всесторонний анализ поставленной проблемы, а лишь предлагают акцентировать

внимание на нескольких примерах особенно наглядно демонстрирующих поликультурную основу так называемого «исторического анекдота».

Предваряя рассмотрение, хотелось бы вспомнить что собственно понималось под историческим анекдотом в означенное время. Н.В.Кошанский в своей «Частной риторике» писал, что «цель его (анекдота) объяснить характер, показать черту какой-нибудь добродетели, иногда порока, сообщить любопытный случай, происшествие, новость...». А.Никитенко же в «Энциклопедическом лексиконе» замечал, что анекдот – это «краткий рассказ какого-нибудь происшествия, замечательного, по своей необычности, новости или неожиданности...» [1;4]. Впрочем, чисто историческая достоверность для анекдота совершенно необязательна. По словам Е.Курганова, «жанр демонстративно «играет» под действительность, ибо на самом деле тексты, создававшиеся по канонам анекдотов, ни в коей мере не могут быть с этой действительностью отождествлены (как отметил В.Э.Вацууро, в анекдоте главный интерес переносится с фактической на психологическую достоверность события)» [2;5].

При этом сами герои анекдотических ситуаций а, нередко, и авторы остроумных высказываний, колких, как острие шпаги, являются не выдуманными персонажами. Так, И.А.Балакирев – известный шут, М.А.Голицын – шут Анны Иоанновны. Д. Акоста, осевший в России, выходец из Португалии и приглашенный в Россию в качестве придворного скрипача итальянец Антонио Педрилло... Но при этом целый ряд связываемых с их конкретными именами остроумных высказываний и историй, имеет явно поликультурную основу. Коснемся нескольких примеров такого рода, вступив в мир симфонических созвучий, казалось бы, самых несхожих и даже контрастных культур.

Начнем свое короткое путешествие с одного из рассказиков о знаменитейшем из русских шутов – И.А.Балакиреве. Итак, «однажды государь (Петр Великий) спорил о чем-то несправедливо и потребовал мнения Балакирева; он дал резкий

и грубый ответ, за что Петр приказал посадить его на гаупвахту, но, узнавши потом, что Балакирев сделал справедливый, хотя грубый ответ, приказал немедленно его освободить. После того государь обратился опять к Балакиреву, требуя его мнения о другом деле. Балакирев вместо ответа, обратившись к стоявшим подле него государевым пажам, сказал им: «Голубчики мои, ведите меня поскорее на гаупвахту» [3;13].

Сочная и остро психологическая история, однако отнюдь не свидетельствующая об особенностях исторических типажей конкретной эпохи или отдельной страны. Нечто, совершенно идентичное, мы встречаем, в частности, и в бытовых персидских анекдотах, где повествуется о некоем падишахе, которого угораздило сочинить стихи, да еще такие, что ему самому весьма понравились. Поскольку же падишахи считались покровителями искусств, постольку при дворе была должность царя поэтов или, иначе выражаясь, самого именитого и тонкого ценителя поэзии, знаменитого и своим собственным поэтическим даром. Падишах, естественно, не замедлил ознакомить царя поэзии с плодом своего царственного вдохновения. Выслушав стихи, царь поэтов мягко (ведь он все-таки не шут, коему позволено гораздо больше) сказал примерно так: «Ваше Величество, стихи эти ниже Вашего Величия; поэтому спрячьте их и никому не показывайте». Разгневанный шах повелел поставить царя поэтов на три дня к позорному столбу, чтобы тот на солнцепеке имел время поразмыслить над своим поведением и достоинствами монаршей поэзии. Спустя какое-то время муза опять посетила падишаха, и тот снова сочинил стихи, полагая, что уж на этот-то раз он создал нечто замечательное. Царя поэтов вновь вызвали к всемогущему владыке. И что же он ответил, прослушав чтение очередного творения падишаха? – «Иду к позорному столбу» [4;19].

Ситуации совпадают буквально один к одному, с той только разницей, что в сказочном персидском варианте остается неизвестной реакция монарха на

слова поэта, но это, в данном случае, и не существенно. Показательно, что в обоих случаях обыграна древняя проблема, сформулированная еще Конфуцием, который на вопрос, как вести себя с Государем, отвечал: «Не обманывай и укоряй его в лицо». И при этом наглядно продемонстрировано, как небезопасно следовать такому совету великого мудреца. Впрочем, продемонстрировано и иное: то, что, хотя бы в идеале и парадоксальной форме, но такое следование возможно.

Другая история из русских литературных анекдотов связывается с именем итальянца Педрилло. Многие из прочитавших ее могут без труда услышать в ней эхо широко известных восточных мотивов. В анекдоте о Педрилло рассказывается: «Когда Педрилло находился еще в Италии, один сосед попросил у него осла. Педрилло уверил его, что отдал осла другому соседу, и сожалел, что просивший не сказал о своей надобности прежде. Пока они разговаривали, Педриллин осел закричал.

- А! – молвил сосед, – твой осел сам говорит, что он дома и что ты лжешь.

- Как же тебе не стыдно, соседушка, верить ослу больше, нежели мне, – Возразил шут» [5;21].

В истории мировой культуры этот рассказик многоименен. Помимо прочего, он встречается и в казахском народном юморе, в «Достоверных случаях из жизни незадачливого мудреца Кожи Насыра, прозванного в народе Апенди, поступки и высказывания которого во все времена имели удивительную способность вызывать улыбки на лицах даже самых угрюмых людей»: «Пришел к Коже сосед и просит:

- Одолжите вашего осла съездить в город.

- С удовольствием бы одолжил. Но осла нет дома, – ответил Апенди. В это время во дворе закричал осел.

- Как вам не стыдно Кожа! У вас белая борода, а вы лжете.

- О, глупец! – возмутился Кожа, как же ты можешь верить не мне, у которого белая борода, а безмозглому ослу?» [5;22].

Как вариант живописания той же ситуации, но с несколько иным подтекстом, мы встречаем рассказ о собственно Насреддине (Афанди, Эфенди). Только здесь уже перед нами не столько неловкая ложь, сколько своеобразная хитрость, потому что осла намеревается взять «богатый сосед», который не прочь задарма попользоваться чужим добром – на то он и богатый. Крик же ничего не ведающего о соседской беседе ишака и возмущение соседа ложью хозяина этого животного сопровождается таким комментарием Насреддина: «О, несчастный! ... Ты не веришь мне, у которого уже и борода белая, а веришь глупой скотине. Так и осел тебе прокричал, что его нет дома!» [6;128].

Еще большее число игровых логико-психологических вариантов поведения прослеживается и в связи с историей, рассказывавшейся о Яне Д'Акосте «На вечеринке, где присутствовал Д'Акоста, все гости слушали музыканта, которого обещали наградить за его труд. Когда дело дошло до расплаты, один Д'Акоста, известный своею скупостью, ничего не дал. Музыкант громко на это пожаловался.

«Мы с тобой квиты, – отвечал шут, ибо ты утешал мой слух приятными звуками, а я твой – приятными же обещаниями» [1;104]. Упоминание такого рода и близких по духу и логике ситуаций очень древнее. Уже в старинной восточной литературе, в «Сутре ста притч», мы встречаем рассказ «Про то, как играли музыканты»: «Музыканты играли для правителя. Правитель обещал им за это тысячу монет. После игры они стали просить ... обещанных денег, а он им не давал», сказав при этом: «Когда вы играли для меня, то услаждали мои уши, да и только. Суля вам деньги, я тоже услаждал ваш слух» [7; 83].

В различных вариациях этот мотив парадоксальной расплаты за нечто однотипное не раз встречается в восточной и общемировой культуре. В истории «За слова получил слова» некий дервиш остановил Молу и стал тому непрошено читать длинное панегирическое стихотворение – касыду. Прочитав же, стал просить

хоть какой-то платы. Кончилось же все это тем, что Мола так ничего и не заплатил, рассудив: «Ты прочел мне слова, а я тебе дал слово (рассчитаться на следующий день). Причем тут деньги? Другое дело, если бы ты дал мне какую-нибудь вещь. А за слова и получил слова» [6;150].

В старом же персидском анекдоте перед читателем уже не дервиш и Мола, а поэт и хитрый правитель, который посулил награду за понравившиеся ему хвалебные стихи. Когда же поэт так ничего и не получил от казначея, правитель ответил: «Ты произнес слова и доставил мне удовольствие. Но и я произнес слова, которые доставили тебе удовольствие. Получилось удовольствие за удовольствие, а при чем тут казна?» [4;190].

В другой остроумной истории-сказке находчивый герой с наслаждением вдыхает запах дымящегося плова (в одной из версий это делает прохожий бедняк). Скупой же хозяин яства требует платы за полученное наслаждение и Ходжа, вытащив мешочек с монетами, трясет им перед хозяином, расплачиваясь за вдыхаемый запах манящего блюда звонком денег.

В образе же Насреддина мусульманского судьи – кадия мы явно узнаем своего рода «побратима» русского Шемяки, готового за мзду к любым логическим фокусам, но, тем не менее, способного, при том же самом искусстве, блюсти то, что представляется очевидной справедливостью. Так, однажды к судье Насреддину пришли двое. Один из них сказал:

- Этот человек во сне взял у меня двадцать динаров. А теперь не хочет возвращать.

Насреддин позвал к себе ответчика и приказал отсчитать ему двадцать динаров. Потом стал позвякивать монетами... так он звякнул ровно двадцать раз, уплатил истцу звоном монет, а деньги вернул хозяину и сказал:

- Ты получил свой долг, а его деньги остались при нем. А теперь ступайте» [6;404]

Своеобразный поворот аналогичной идеи встречается в немецких шванках 16-

го века, где рассказывается история о некоей молодой девице, исповедовавшейся в грехах монаху из ордена босоногих; то есть тех, что на вид – само бескорыстие. Исповедовалась-то она искренне, но никаких серьезных грехов за собой припомнить не могла – слишком уж молода была. Тогда монах поднажал, и девица ответила: «Да, господин мой. Недавно мне приснилось такое, о чем стыдно поведать»... Мне снилось, что один молодой человек, лег со мной и меня ... прижал». Монах отвечал: «это, дочь моя, равносильно тому, как если бы он овладел тобою на самом деле».

Что же из того следует? Да то, что грешнице придется идти паломницей в Рим или, по крайней мере, туда, где продают индульгенции. Путь нелегкий. Но, демонстрируя свою благость, монах согласился взять оплату за искупление греха крестьянки. Поскольку же он был членом ордена, брезговавшего богатством, то, чтобы не брать в руки греховных денег, сказал, чтобы девушка сама засунула ему деньги в прореху старой рясы. Девушка зажала деньги в кулак, однако, сунув его в дыру, деньги там так и не оставила. Ничего не подозревавший монах отпустил ей грехи, но, немного отойдя, почувствовал, что денег нет. «Он окликнул девицу, велел ей вернуться и сурово сказал: «Ты их на самом деле, дочь моя, не засунула». Девица не отпиралась: «Да, господин мой, не засунула. Но ведь и юноша, приснившийся мне в соблазнительном виде, на самом деле тоже не засунул». И с этими словами – и с отпущением грехов – пошла прочь» [8;311 – 312].

Проследивание такого рода параллелей и своеобразной переключки эпох и континентов – вещь сама по себе не оригинальная, но всегда увлекательная. Однако и при этой увлекательности уместно обратить внимание на то, как многоликие образы и многокрасочные ситуации могли стать основой того, что принято относить к собственно истории. Как, например, отмечал еще М.С.Харитонов в издании 1978 г., в «современных журналах публикуются порой, как исторически достоверные рассказы о знаменитых людях,

их шутках, словечках, происхождение которых читатель» те же «Двадцати трех Насреддинов», узнает без труда. Вот хотя бы анекдот о Марке Твене: «Будучи редактором городской газеты, Марк Твен получил однажды от некоего горожанина, видимо задетого газетой, письмо с одним словом: «Свиньи». На следующий день в газете появился ответ редактора: «Мы нередко получаем письма без подписи, но вчера впервые получили одну подпись без письма» [9;с.12]. Забавно, но занятная реакция такого рода была хорошо известна до Марка Твена, о чем, к примеру, свидетельствует уйгурская история «Кто осел?»: «Один из приятелей пришел к Афенди в гости, но хозяина не застал. Он рассердился и написал на двери: «Осел». Через несколько дней Афенди встретил друга и сказал:

-Ты приходил ко мне, но, к сожалению, меня не было дома-

- Почему ты думаешь, что приходил именно я...?

- Как же не знать, дорогой! Ведь ты на двери написал свое имя...» [6;222].

Возвращаясь к тому, что принято называть исторической реальностью и, в частности, пользуясь последним примером, а также возможными рассказами о русских шутах тут уместно заметить: помимо прямого или косвенного заимствования непосредственно самих историй, им можно было бы найти еще, по крайней мере, два логичных объяснения. Оба они очень просты. Первое заключается в том, что, будучи образованными, реальные исторические персонажи могли и в жизни, а не только в литературном творчестве использовать известные логико-психологические приемы. Таким образом, «сказка становилась былью», непосредственной составляющей событийной реальности. Второе же может вообще не иметь отношения к заимствованиям, как таковым. Ведь в жизни, как в шахматах и шашках: зная правила игры и алгоритмы решения определенных задач, можно вполне самостоятельно решить новые задания, либо провести такую комбинацию во время игры, которая, хотя и основана на извест-

ных принципах, однако отнюдь не является лишь детищем хорошей памяти.

Однако для нас здесь, в контексте очерченной проблемы, важнее иное: фольклорно-литературно-образная ткань, казалось бы, сугубо исторических описаний. Та самая ткань, которая определяет те формы, в которых минувшее запечатлется в памяти потомков. Иначе говоря, вполне вероятно, что со временем может стать аксиомой то, что в значительной мере всю древнейшую историю и, в еще большей мере историю мысли, мы способны изучать лишь как целостный сплав собственно событийного и художественного. Из этого следует, что весьма логично предположить: знаменитейших персонажей античной философии Анахарсиса, Сократа, Диогена из Синопа и целый ряд иных мы в силах постигать лишь как **художественные образы**. Более того, в огромной мере, фольклорные образы, образы, в которых доминирует не личностное, а наиндивидуальное. Остроумные же высказывания, эффектные реакции на те или иные ситуации нередко кочуют от одного имени к другому, словно демонстрируя фольклорную основу этих образов [10]. Образов, которые в свою очередь стали предтечами образов русских, да и не только русских шутов. И, возможно, не случайно, злонравная жена Д'Акосты навеивает воспоминания о бранчливой супруге Сократа. И там и тут, пожалуй, не только повторяющаяся из века в век ситуация в сфере семейной жизни, но и художественные образы, воспринимающиеся как исторические портреты. Тем самым, то, что во всех наших вузах привычно изучается как, скажем, история философской мысли, куда уместнее было бы рассматривать и как составляющую непосредственной истории художественной литературы.

С другой стороны, правомерно встает вопрос о том, какими средствами и посредством каких образов будет рисоваться наша современность и сравнительно недавняя история. Что из носителей информации сохранится, допустим, через тысячу лет? И как эта информация будет считываться? – Ведь уже сегодня в так

называемые документальные фильмы вплетаются кадры из художественных кинолент. Уже сегодня идут споры о том, был ли сын Сталина в немецком плену или вся история с пленом – грандиозная афера нацистской Германии? А сколько еще иных, проблемных ситуаций и штампованных портретов, описаний и многого, много иного? И это, не говоря о том, что сами наши носители информации куда более подвержены воздействию времени, чем те, что использовали вавилоняне или древние египтяне. Ведь уже сегодня мы в обычных условиях не способны прослушать грамзаписи на пластинках, ленточных магнитофонах, а наиболее современные компьютеры не снабжены устройством для чтения информации на дискетах. Что ж, здесь есть над чем поразмыслить. Но, как бы то ни было, а живой поток образов, остроумных выхонок и реплик захватывает нас сегодня так же, как и тех, кто жил сотни лет назад. История живет в культуре. И, пока это так, не все нити с прошлым оборваны.

Байменова Б. Ж., аға оқытушы
Қостанай мемлекеттік педагогикалық институты

ӘДЕБИ ТІЛГЕ ОРЫС ТІЛІНЕН ЕНГЕН СӨЗДЕР

Қазақ халқының өзімен бірге өмір сүріп, бірге жасасып келе жатқан қатынас құралы – оның тілі, тілдің алтын қоры – тіл байлығы.

Әр халықтың сөз байлығы – оның ұзақ ғасырлар бойы басынан кешірген өмірінің, іс-әрекетінің, ақыл-ой жұмыстарының тілдегі көрінісі. Тілдегі сөздер қажеттілікпен пайда болады да, халықтың қарым-қатынас қажетін өтеу үшін жұмсалады. Сөз адамдардың айналасындағы объективті шындықты, заттар мен құбылыстарды, іс-әрекетті, сан-сапалы айырып тани білгенінің көрінісі.

Қазір сол тілдің байлығы молайып, мәдениеті артып, қалыптасқан әдеби тіл дәрежесіне көтерілді. Тіл халықтың барлық іс-әрекетінің, саяси өмірінің, өнердің, ғылымның, мәдениеттің, әдебиеттің, оқу-

ЛИТЕРАТУРА

1. Цит. по: Русский литературный анекдот конца 18 – начала 19-го века. М.: 1999
2. Е.Курганов. «У нас была и есть устная литература...» – В кн.: Русский литературный анекдот... М.: 1999
3. Там же. См также: Полные анекдоты о Балакиреве, бывшем шуте при дворе Петра Великого. Спб., 1837. Ч.1,с.21.
4. Персидские народные анекдот, М; 1990
5. Улыбки хитрецов. Из казахского народного юмора. Алма-Ата; 1982
6. Двадцать три Насреддина. М., 1978
7. Бай Юй Цзин. Сутра ста притч. М., 1993
8. Немецкие Шванки и народные книги 16 века. М., 1990

Түйіндеме

Аталмыш мақала әлеумдік мәдениет тарихы контекстіндегі орыстың әдеби анекдоттарын қарастыруға арналған.

Conclusion

The article is devoted to Russian literature anecdotes in the context of the history of the world culture.

білім, тәрбие жұмыстарының құралына айналды.

Қазақ тілінің сөз байлығы әр түрлі қызмет (функция) атқарады. Әдебиетте олардың бірқатары түрлі стильдер байлығы (ресурстары) болуға ыңғайланса, бірқатары барлық стильге бірдей қызмет етеді.

Солардың ішінде кірме сөздер де болады. Кірме сөздер естіген құлаққа жат, айтуға онша үйреншікті болмаған, тосаң сөз болуы мүмкін. Олар, әсіресе әдеби тілдің сөз байлығына айналғанда, жалпы халықтық сипат алып кетеді.

Бір тілден екінші тілге сөз ауысу үшін екі елдің көршілес отыруы шарт емес оны қазақ тіліне парсы тілінен енген сөздерден байқауға болады. Мұнда бірен-саран емес, жүздеген, мыңдаған сөздер әр алуан жолмен ауызша түрде, ақын-жы-